

Черный генерал. Николай Степанович Гумилев

Наталье Сергеевне Гончаровой

Правду сказать, отец его был купцом. Но никто не осмелился вспомнить об этом, когда, по возвращении из Кембриджа, он был принят самим вице-королем.

На артистических вечерах он появлялся в таких ярких одеждах, так мелодично декламировал отрывки из Махабхараты, так искренне ненавидел все европейское, что его успех в Англии был обеспечен и не одно рекомендательное письмо от престарелых лэди увез он, отправляясь во втором классе в Бомбей.

В родном княжестве, потрясенный его великолепными кожаными чемоданами, раджа предложил ему на выбор или место сборщика податей с проходивших караванов или чин генерала. Все думали, что он выберет первое, потому что караванов было много, солдат мало. Он выбрал последнее. Никто не знал, что старый американец, которому он объяснял радж-йогу, умер, оставив ему в завещании столько же, сколько своему лакею, то есть довольно много.

В день своего назначения генерал явился во дворец. Хитрец, он предвидел все, и в его великолепных чемоданах оказалась совсем готовая великолепная генеральская одежда. Весь город собрался смотреть на него. Старуха мать рыдала от гордости, когда он промчался мимо нес на специально привезенной мотоциклетке. А лучший художник города отдал целую рупию слугам раджи за право смотреть в замочную скважину. Он смотрел долго, терпеливо и умело, как губка воду впитывая впечатление от роскошного костюма генерала и от его непомерно чванного лица. А потом пошел раскачивающейся верблюжьей походкой, что означало у него творческую задумчивость.

Самые нежные, самые яркие краски горели в точеных, как лепестки лотоса, деревянных чашечках, самые тонкие кисточки летали по ним с такой же быстротой и легкостью, как пальцы девушки летают по клавишам фортепиано. Возникла лакированная красная стена, возникало томительно-синее небо, и на фоне всего этого возникал непомерно чванный генерал. Как были белы его штаны, как богато золотое шитье мундира, как величественны перья на треугольной шляпе! Воистину такого генерала можно было видеть, как цветение лотоса, только раз в столетье.

Умиленная толпа собиралась за спиной художника. Слышался гул восторга, раздавались дерзновенные предположения. Верно, генерал сделает его начальником над своими слугами; позволит всю жизнь кормиться на кухне; даст мешок со ста рупиями. А заходящий поэт, высокий и костлявый старик из Тибета, позавидовал чужой славе и сложил песню по строгим правилам тибетского стихосложения: Раджа, Генерал раджи, Мундир генерала раджи, Девушка, которая расстегнет мундир генерала раджи, Любовь, которая овладеет девушкой, расстегнувшей мундир генерала раджи, Сын, который родится от любви, овладевшей девушкой, расстегнувшей мундир генерала раджи, Трон, который завоюет сын, родившийся от любви, овладевшей девушкой, расстегнувшей мундир генерала раджи, Слава, которая окружит трон, завоеванный сыном, родившимся от любви, овладевшей девушкой, расстегнувшей мундир генерала раджи. Индия, которая будет спасена славой, окружившей трон, завоеванный сыном, родившимся от любви, овладевшей девушкой, расстегнувшей мундир генерала раджи. Песня тотчас была переписана тремя писцами на большом листе пергамента. Плату они должны были получить от генерала.

Вот опять, по тихим улицам города, пугая обезьян и павлинов, зашумела, завоняла и промчалась мотоциклетка – генерал возвратился домой. – «Ванну!» – и дрессированный, служивший прежде у европейцев слуга из Бомбея с поклоном указал на большой резиновый таз с теплой водой, потому что генерал не был спортсменом и боялся холодной. Вот плавно опустился на спинку кресла мундир, расстегнутый на этот раз не девушкой, а самим генералом. Вот примеру мундира последовали белые штаны с золотым лампасом. Только одна треуголка медлила покинуть свое место, когда артисты вошли. Художник впереди, поэт позади, в руках у каждого его произведение. За ними толпа почитателей и любопытных, среди нее заинтересованные в деле писцы. Генерал ахнул, гаркнул и задрожал. Точь в точь так же ахнул, гаркнул и задрожал, по его воспоминаниям, русский генерал, которому в ресторане подали незамороженное шампанское. – «Эти черные... какая наглость!»

Художник уронил картину. Генерал стал топтать ее ногами. Тибетское стихотворение было разорвано в клочки. Толпа замерла. Генерал бесновался. Он прыгал по комнате, как освирепелая обезьяна, голый, в одной треуголке, он визжал как шакал, которому переломили лапу. О, это был действительно страшный генерал.

Слуга из Бомбея напер плечом на вошедших. Точь в точь так же, по его воспоминаниям, европейские слуги напирали на гостей, неудобных их господам. Через минуту все было кончено. Слуга вытирал пол, оттого что ванна опрокинулась, а генерал успокаивался, разбирая свои чемоданы. Вот с торжественной медленностью он навесил на стену свою увеличенную фотографию в генеральском мундире. Хитрец, он предвидел свое назначение и снялся еще в Лондоне. Вот с счастливой улыбкой он приколот под портретом вырезку из газеты, где его имя упоминалось в числе приглашенных на какой-то светский вечер. А слуга прятал индийский портрет, чтобы продать его за грош старьевщику из Калькутты.

В дальнем квартале писцы, не получившие платы, били тибетского поэта, а слуги раджи били художника, требовавшего назад свою рупию.

***

У восточной сказки должен быть нравоучительный конец. Попытаюсь посрамить злого генерала. Вот он приехал в Париж. Посетил двух кафэшантных певиц, трех депутатов-социалистов и решил ознакомиться с артистической жизнью Франции. Выслушал несколько колкостей от Анатоля Франса; купил рисунок Матисса; был побит в одном кафе Аполлинером; и добился разрешения посмотреть работы Гончаровой. Там он увидел свой индийский портрет, попавший через Калькутту, Лондон и черного гусара в руки этой художницы.

О, если бы он сконфузился, если бы испытал позднее раскаянье! Тогда бы моя сказка была подлинно восточной. Но нет, негодяй

воскликнул: – «Мадам, неужели вы интересуетесь такой дрянью? Тогда я пришлю вам из Индии их хоть тысячу».

И соврал, не придет. Потому что из-за таких, как он, не стало больше в Индии художников.